

Сати Овакимян

**Созвездие
эмигранта**

Сборник рассказов

Формаслов

Москва
2020

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
ОЗ1

ОЗ1 Овакимян, Сати

Созвездие эмигранта. Сборник рассказов / С. Овакимян. —
М.: Формаслов, 2020. — 108 с.

ISBN 978-5-521-15819-5

*Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации и
техническом содействии Союза российских писателей*

Начать новую жизнь, найти свой путь. Проститься с прошлым, встретить любовь, преодолеть отчаяние. Порой невыносимо само существование вдали от места, где ты родился. Перед выходцами из бывших советских республик стоит вопрос: как сохранить себя среди чужого им мира и стоит ли принять его суровые правила?

Каждая история в сборнике рассказов «Созвездие эмигранта» — это история человека, который решил — он выстоит. Сати Овакимян смотрит на мир глазами южанки, сумевшей растопить лёд большого города. «Мои руки в воде. Через воду мне передаются следы города, я тоже часть Москвы, которая умеет утекать...»

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© С. Овакимян, текст, обложка, 2020
© Формаслов, 2020

ISBN 978-5-521-15819-5

Последний ремонт

Раньше

Мои дед с бабушкой часто повторяли, что раньше снег был белее, а снежинки — крупнее, что в притулившихся на том холме скворечниках жили лишь истинные ереванцы, что крошечный, размером с ладошку, садик на задворках с парой-тройкой фруктовых деревьев, виноградных лоз и цветов — точная копия рая. А стоило мне подойти к саду, бабушка тотчас появлялась на деревянном балконе, водрузив тяжелеющий день ото дня мешок тревог и горечи на понурые плечи, вздыхала протяжно и говорила:

— Ты снова к смоковнице шла? Дурёха моя, утром я там вот такую змею увидела. Ну и змеюка была, надо было видеть!

Завершив свою речь, бабушка хрипло кашляла в пригоршню и запирала кашель в иссохшей ладони, из блеклых губ выпал сероватый контур агонизирующей сигареты.

Увидев, что я в страхе иду обратно, снова вздыхала и погружала в медовую заливку краснощёкую пахлаву.

Маму с папой я помнила смутно. Когда мне было три, они уехали в дальние дали в поисках своей нити на переплетённых дорогах чужбины. Но дед гладил меня по голове и говорил:

— Краешек этой нити зарыт здесь, детка, куда бы они ни поехали, как бы ни запутались, всё равно вернуться.

Включался синеголовый, живущий на стене гостиной аппарат, и строгий женский голос передавал мне тревожные вести с неведомого континента. Я, втайне от бабушки, остерегаясь воображаемой змеи, в мгновение ока оказывалась в саду, тоненькими, как пальцы, веточками рыла землю, в надежде найти краешек той нити. Не знала — что за краешек? Где его искать?

Но помнила, что в бабушкиных сказках сокровища всегда прятали в земле, значит, я на верном пути!

Долгие часы потом проводила на холодном балконе. Слезы, голод, даже желание пописать в расчёт не шли.

Часто в такие моменты я слышала громкий, но бессильный голос деда:

— Женщина, ты что — фашист?! Разве можно так девочку наказывать? Простудится, умрёт!

— Вся в своих дураков-родителей. Разве я виновата?

— Её дурак-отец — твой сын! Эх... отойди в сторону!

Сейчас

«Сейчас» умеет быстро испаряться, сейчас дни тают в одночасье, снег больше не укладывается крупными хлопьями на деревянном полу балкона осиротевшего дома, сейчас он сыплет, как сахарная пудра осыпалась сквозь бабушкино сито на пирожки с творогом и изюмом. Сейчас — без семи дней новый год, но это не мешает всеядным железным глоткам экскаваторов один за другим разрушать каменные дома соседей, а стоящим рядом людям при галстуках — отвечать на проклятия старух ухмылкой и заученным текстом, мол, пора уже заменить хибарки современными новостройками...

Раньше

Каждый год, за семь дней до Нового года, дед покрывал стены новыми обоями. Он делал это совсем не так, как полагают: не мочил тёплой водой старые обои, не отрывал их, поверхность стен в этом случае, естественно, не нуждалась в мытье и выравнивании потрескавшейся штукатурки или неровностей.

В гостиной раздвинувшая крепкие железные ноги стремянки едва умещала на себе облачённые в землястые тапки дедо-

вы ступни 44-го размера. Сигналом к очередному украшению дома было деловитое молчание деда под сенью мистериически загадочного ритуала бабушки. Как истинный мистагог, бабушка то сокрушалась, что её неразумное дитя и его хитрая жена, то есть мои родители, далеко от отчего дома, то благодарила, что хоть за неделю до Нового года они вспоминают обо мне — дурёхе (бабушка называла меня «дурёхой», а я, не понимая смысла слова, наполнялась теплом и радостью), посылают старикам-родителям разноцветную жвачку, витамины разных форм и размеров, чаще всего — ненужные и незнакомые, источающую неприятный запах одежду, конфеты... не забывая, конечно, главный итоговый подарок года — броские, разноцветные обои...

Сейчас

Сказали, чтобы семнадцатого января я освободила дедовский дом, в котором родилась и выросла. Его снесут и якобы дадут квартиру в другом районе. Аршик, Маро, Ашоту, Варгану — всем нашим соседям обещали то же самое, но вместо ключей от квартиры у них в руках оказались бесполезные транспаранты, что развевались перед зданием Правительства и в телевизоре моего приснопамятного деда.

Алекс снова оказался занят, снова обещал, что завтра придет и заполнит моё одиночество. Сказал, чтобы я была спокойна, чтобы поменьше смотрела репортажи о демонстрациях по телевизору, что терпение — отворяющий двери ключ, которым я не умею пользоваться.

Раньше

Без семи дней Новый год. Ранним утром я просыпалась и сбегала в подвал, пряталась под лестницей, за креслом, иногда даже в исполинском сундуке — любимом приданом ба-

бушки. Ничего не помогало. Щекочущий ноздри змеистый дым от бабушкиной сигареты везде находил меня и с лёгкостью пресекал попытку побега. После чего я быстренько оказывалась на «месте событий». Костлявые женские руки, словно тиски, хватая меня за узенькие плечи, сжимали их так сильно, что я скулила, как щенок, защемивший лапу дверью.

— Эх, дурёха моя, плачь... но тихо, плачь душой, как я... Дед заметит — расстроится.

— Но я не...

— Не надо бояться чувств, милая, бойся бесчувствия. Бедный твой дед в последний раз приклеит эти чёртовы обои, и мы останемся одни-одинёшеньки.

По всей гостиной растекался залиvistый смех деда:

— Софа, то, что я мало говорю, ещё не значит, что ничего не слышу, а тем более, что я умираю... Каждый год ты говоришь одно и то же, женщина! И оставь, наконец, ребёнка в покое. — А потом, оборачиваясь ко мне, говорил:

— Детка, садись за уроки или украшай ёлку.

Я, перепуганная хрупкая девочка семи лет от роду, всё ещё храня на плечах жар от боли и чувствуя огромную благодарность деду за великодушие, убежала из одной комнаты в другую, не понимая толком, что важнее — уроки или украшение ёлки, пока голос бабушки, словно компас, не указывал мне — потерявшей ориентиры девочке — верное направление:

— Дурёшенька, к ёлке не подходи. Либо мои чешские игрушки разобьёшь, либо ёлку опрокинешь. Жалко...

Я тихонько уходила в спальню, где мы: я, дедушка, бабушка — спали, открывала скрипящую дверь шкафа, устраивалась под вешалками, сжималась в комочек, брала в руки тёплый свитер дедушки, жалела, что в этом году дед действительно в последний раз клеит обои (и как же хорошо, что он не желает смириться с этим ужасающим фактом!), грустила о том, что в следующем году мы с бабушкой останемся одни, что, если деда не будет, бабушка сразу же бросит в ненасытную глотку

печи прекрасный бумажный подарок папы, более того — вмиг оторвёт с каждым годом уменьшающие дом, приклеенные друг на друга рисунчатые слои, высвободив, наконец, пожелтые стены. Я плакала о заблудившихся вдали родителях, о своей никчёмной жизни, уместив всю эту боль внутри тёмно-синего в белую крапинку свитера бабушки, а потом, захлебываясь слезами и вконец истомившись, проваливалась в сон...

Сейчас

Иду из гостиной в спальню, из спальни — на кухню, в коридор, туда-сюда, туда... Алекс прислал сообщение... Не может приехать и помочь мне, просит отложить поклейку обоев, просит не сердиться и быть снисходительной...

Я снисходительна, я всё понимаю, я сержусь, потому что дед никогда ничего не откладывал, мужчина не имеет права опаздывать и откладывать... что бы ни случилось!

Известил, что незамедлительно едет к ботанику, чтобы показать ему тот единственный судьбоносный росток.

Мы познакомились на вернисаже. Он продавал деревья, вы полненные из натуральных камней и металла. Протянул мне дерево с гранатовым камнем и сказал, что глаза мои печальны, а этот камень принесёт любовь и теплоту. Мы быстро сблизились, и однажды Алекс рассказал душераздирающую историю, которая, признаться, не особо меня тронула. Я даже подумала, что он чрезмерно романтичен, несмотря на полные четыре десятка. Улыбнулась и забыла. Оказалось — напрасно.

— Мама, прежде чем отдать Богу душу, дала мне два росточка и сказала, что они имеют непосредственное отношение к моей судьбе. Из них должны были вырасти плодовые деревья, но моя невеста вернула кольцо. Через неделю росток увял, в ту же ночь ушла мама. Первый росток я положил с ней.

— А второй? — поинтересовалась я.

— Это зависит от тебя. Мне кажется, эти ростки — моя любовь. Одна меня покинула, потом я встретил тебя... Если твоя любовь искренна, она превратится в дерево, а мама увидит это с небес и благословит ту, что осчастливила её единственного сына, понимаешь?

Начиная с этого дня раз в неделю росток получал одобрения и слушал утренние молитвы и монологи Алекса — об одиночестве и отчаянии...

Раньше

Бабушка и дед часто спорили, но раз в год, с момента появления свёртка в доме и до минуты, когда стены обретали второе дыхание, всё обострялось ещё больше.

Бабушка говорила, что мой отец специально присылает эти «циничные и ненужные» подарки, чтобы вывести из себя престарелых родителей. Дед иронично интересовался, какими именно узорами на сей раз украсим дом. Потом добавлял, что отца ведь тоже можно понять.

Папа работал в магазине обоев. Каждый год директор магазина, в качестве рождественского подарка, дарил сотрудникам рулон уценённых обоев. И отец, ради того, чтобы порадовать родителей, да и в глазах директора предстать в выгодном свете, покупал по скидке ещё несколько рулонов для всего дома и посылал их в Ереван.

Бабушка грозила всё оторвать, а потом, в который раз, спрашивала, почему дед клеит их друг на друга.

— Отдай их мне, я не сожгу, не выкину, обещаю! Стены надвигаются на меня, противно, не могу больше... не хочу Нового года! Господи, когда ты призовёшь меня?!

— Наверное, ты хотела сказать: Господи, когда ты призовёшь моего мужа, да? Пока я жив, всё останется как было... так дом теплее и...

— И с каждым годом всё меньше и меньше.

— Для трёх человек вполне достаточно. Когда твой сын вернётся, если, конечно, вернётся, пусть поищет их и не найдёт.

— Эх... совсем сдурел. И как я с тобой всю жизнь прожила?

Кутаясь в шерстяную шаль, бабушка уходила на кухню, чтобы лишиться жизни ещё одну сигарету и усугубить свой кашель, дед приносил клей и стремянку, а я, утопая в диванных подушках, пряталась за книжку и плакала душой, как учила бабушка: глубоко дыша, слегка отводя голову назад, забрасывала слёзы глубоко вовнутрь.

Я привыкла к ссорам, к тому, что я дурёха, к необъяснимому упрямству деда и тому, что наш просторный красивый дом постепенно превращается в бумажный домик. Последний ремонт уже не мог причинить боль: когда дед вступил в восьмой год, я поняла, что он уже перешагнул порог бессмертия, и бояться смерти больше не следует. Не знаю, догадывалась ли об этом бабушка, или это была некая негласная семейная традиция, но я быстро созрела и часто вынужденно соглашалась и с дедом, и с бабушкой, убеждая себя, что у каждого из них своя правда и она непреложна.

Сейчас

Дом Арпик воет от боли, камни, объятые ужасом, рассыпаются по двору. Соседний дом тоже исчез, его больше нет, следующим в глотку железного бекаса попадёт наш дом. Я смотрю на купленные сегодня, безмятежно лежащие в углу белые обои и готова, не нарушая семейных традиций, приклеить их на стены, покрыв ими старые бреши.

Кончиками онемевших пальцев кое-как открываю сундук, достаю бабушкину любимую маленькую коробочку с толстенькими сигаретами. Дом наполняется ароматом бабушки. Погибают в духовке маленькие рождественские печенья-чело-

вечки. Дым окутал и наш холмик, где когда-то был рай, где снег покрывал деревянные балконы и невозмутимые крыши наших домов крупными белыми хлопьями...

Раньше

После очередного предпраздничного обновления, когда бабушка в который раз предсказывала деду последний ремонт и вытирала фартуком слезящиеся от сигаретного дыма глаза, она, как и всегда в этот день года, окропила медовой водой солнечно-золотистую пахлаву, выдохнула и неожиданно ушла из жизни, оставив нас: меня, дедушку, обклеенные обоями стены, ароматную пахлаву — потрясёнными и осиротелыми...

Несколько месяцев спустя, за полночь, сидящий под смоковницей призрак бабушки призвал к себе деда, и они вновь обрели друг друга...

Сейчас

Одну за другой зажигаю и вбираю в себя серые души оставшихся девятнадцати сигарет, отключаю духовку, выбрасываю в окно сгоревшие галеты.

Пишу Алексу, что мои обои уйдут завтра туда, где ночуют мои замёрзшие и бездомные соседи... пишу, чтобы больше не искал карту жизни в цветке, чтобы понял, что порой похороненные в бетоне металлические корни гораздо живее, чем уповающие на стеклянное солнце ростки.

Бросаю в жерло печи купленные бумажные полоски, в надежде, что бабушка сквозь дым улыбается и благословляет первое в жизни и, возможно, последнее верное решение своей дурёхи.

Однажды вот так в морской пучине сгинул самолёт, который вёз на родину моих депортированных родителей, вот так

разрушаются собранные руками наших дедов по кирпичику
каменные дома...

Распылитель плюёт в направлении стены, прямо в лицо
старым обоям... тьфууу-тьфууу...

И вдруг, из-под цветастой шкуры последнего слоя бумаги,
проглядывает, словно лелеющая забытую мечту, полузакрытая,
как веко, дверь...

Перевод с армянского Анны Варданян

Эмигрантка

Здесь все на удивление практично-деловые. Я — практично-праздничная. «Женщина, тем более низкорослая женщина, без каблуков — не женщина», — мысленно обнадёживая себя, иду вперёд, в бесконечных поисках работы.

— Можно ваш паспорт?

— Простите, но мы принимаем только при наличии российского паспорта.

— Вы не гражданка? Почему же не предупредили? Извините...

Дождь, смешанный со снегом, умеет колоть, как игла.

Небо, расцвеченное молочно-белой краской, успело перекрыть жёлтое пятно. Вчера я отослала в Ереван один из своих рассказов.

— Нет, чего-то не хватает! Ритм изменился.

— Не понимаю... — я уже приготовилась оправдываться.

— Нет солнца, ты потеряла своё солнце... Здесь ты была полна тепла, поехала туда и замёрзла. То, что ты прислала — лёд, холодный ветер, ты наполнила строки морозом.

Слова от холода прилипли друг к другу, солнечная батарейка садится — храню её для особого случая, литература как-нибудь обойдётся без теплоты. Люди охотнее воспринимают грязь. Всегда есть возможность подчистить и посочувствовать. Читают и собственной слюной на своих же лицах рисуют следы от человеколюбивых слёз.

— Возвращайся домой.

— Ты тоже эмигрировала?

— Жаль, что ты забыла родину.

Быстро удаляю сообщения из фейсбука и продолжаю путь. Таджики, подметающие наш двор, доброжелательно здорова-

ются и продолжают чистить мусорные баки и подъезды старожилов. Радостно и безропотно. Колокола Казанского собора очищают скопившийся во мне за вчерашний день мусор. Хожу среди людей, мимо благодарностей и извинений, равнодушия и занятости, прохожу...

— Мам, ты в детстве о чём мечтала?

— Мечтала вырасти.

— А сейчас?

— Мечтаю снова стать маленькой. Как ты.

— Мам, наверное, ты думала стать блондинкой, правда? Мам, ты самый счастливый человек на свете! Ты — маленькая блондинка!

Кто я? Обычный эмигрант, начинающий писатель, посылающий свои рассказы в бесчисленные редакции и ожидающий спасательного круга от эфемерного издателя. Конечно, можно стереть слово «эмигрант» и вернуться в собственную хибарку. Путь из Москвы в Ереван тоже не сложный. Напоминающие ватных овечек облака можно рассечь за 2 часа 20 минут. За это время некоторые крепко ухватятся за сиденье (как будто в случае катастрофы сиденье превратится в ковёр-самолёт), некоторые торопливо начнут жевать и ходить в туалет, шагать взад-вперёд по узкому проходу.

Я в постоянной турбулентности, под грузом необходимости сохранять равновесие. Я выжгла внутри это беспокойное слово и не желаю избавляться от него. Emigrans — синоним боли, чужбины, чаяний, предельности и бесконечного путешествия. Пришло сообщение от брата. Догадываясь о содержании, боюсь открыть.

В стремительности метро моя душа кочует по вагонам, подсматривает за парнем с бурьяном на голове, изучает старушку в форме каравая, не мигая смотрит в напоминающие окошко в пункте обмена валют глаза азиата. «Не дайте мне уехать, слышите? Спасите! Не дайте, дайте...»

Слова доходят до кончика языка и стремглав падают внутрь. Их отголосок слышен мне и только мне.

Сама Москва подобна купчихе Кустодиева: полная жизни, крупная, сидящая перед самоваром и следящая за тобой с пристальным, взрывоопасным спокойствием. Потом посылающая к чёрту это спокойствие, обращающая шаль в плеть, а чай — в шампанское. Вдруг перевоплощающаяся в бегущую на алом фоне города, распустившую длинные светлые волосы до бёдер, молодую, искушавшуюся в страсти хитрую щеголиху — манищую и, с той же страстью, отвергающую.

Нельзя Москву немного любить, или немного ненавидеть, или жить, просто сохраняя нейтральную позицию. Её или ненавидишь, или, как обезумевшая девственница, влюбляешься в неё и отдаёшься ей без остатка. Я, влюблённая в этот город, вышла на станции «Театральная», прошла к бесконечной красной стене, туда, где покоится самый живой из покойников и самый мёртвый из живых.

Подумала: в известной сказке принц поцеловал спящую красавицу, она ожила, все были довольны, они — счастливы. А вдруг, если подойду к вставшему на путь вечного летаргического сна и поцелую его, он оживёт и не даст мне уехать? Я побежала, как безумная, еле переводя дух, стремительно, будто каждая секунда была фатально невозвратима. Не пустили, попросили посмотреть на время. Было десять минут второго. Десять минут решили мою судьбу, навсегда разлучив меня с субтильным большевиком, лишив чуда сказочного поцелуя. Мне почти взгрустнулось, я почти расстроилась, но вдруг увидела, что прямо перед Мавзолеем понуро и задумчиво ходит сам Владимир Ильич. Сделала шаг навстречу, вижу — второй подошёл, потом к нему присоединились Сталин, Горбачёв и, как будто этого было мало, Иван Грозный и Екатерина тоже появились неподалёку. Делать революцию никто не хотел. «О времена, о нравы!» Пошла вперёд. Сталин фотографиро-

вался с китайскими туристами, проявляя крайнюю степень гуманизма и толерантности. Из-за дерева показался один из царей, как будто вышедший из копировальной машины, видимо, немного разомлевший после акта мочеиспускания, застегнула ширинку, отряхнул камзол и пробурчал вполголоса:

«Мать вашу, китайскую, видишь ли, с товарищами фоткаться пришли», — и возмущённо удалился.

Я тоже ушла. За одной станцией метро последовала другая. Здесь, устроившись на гигантских качелях, начала движение: вперёд — назад, небо — земля, Москва — Ереван, Москва — ... Оп... Вместе с эскимо глотаю ноябрьский мороз, чтобы нейтрализовать внутреннюю боль. Слизываю постепенно тающее мороженое, оно стекает в ладонь ленивой, равнодушной рекой...

Река... Широка и спокойна Москва-река. Серебристая поверхность порой так блестит, что превращается в гигантское зеркало, в котором видишь сам себя — в облике пышных кустов и длинноруких деревьев, в клочках облака, подчас даже в длинношеих новостройках. Дерево, прохожий, тень от здания, невозмутимо играющая с голубкой рыжая дворовая кошка, бросающиеся к летящим в воду хлебным крошкам утки с изумрудными шейками, мыльной водой омывающие подъезды от завтрашней грязи таджики, сгорающие от ужаса войны украинцы, запекающие ежедневную боль в пирожках узбеки, пахнущие жёлтым азербайджанские торговцы дыней, скрывающие тайны города в металле ключей, прошивающие подклад разноцветными нитями слёз и тоски армяне, улыбки и щедрая душа русских... всё, абсолютно всё стекает в реку. Река покрывает всё вокруг, но оставляет сушу на одной стороне. Река покрывает Нагатинский Затон. Мой полуостров. Мои руки в воде. Через воду мне передаются следы города, я тоже часть Москвы, которая умеет утекать...

Спрыгнула с качелей прямо в Коломенское — к реке.

Открыла смс от брата, представила радость сына, спрятанную под маской решимости тревогу родителей. Открыла: «Билеты куплены, где ты?»

Колокола Казанского собора снова завели свою грандиозную беседу...

Перевод с армянского Анны Варданян

Попрошайка

В этой части «Пятёрочки» обычно стоят раздатчики рекламных буклетов, а на той стороне располагаются невозмутимые, как стайка городских голубей, местные попрошайки. Кто-то играет на музыкальных инструментах, кто-то выпрашивает денег на еду, третий просто надеется на добрых людей...

Снующие взад-вперёд посетители супермаркета, как правило, не проходят мимо, и в конце рабочего дня попрошайки расходятся довольные и подзаработавшие.

— Ну ты и лох! Ты что, с ума сошёл? Не мог нормальную записку написать, что ли? — разносит по Коломенской свою хриплую иронию азербайджанец, торгующий овощами в киоске рядом с супермаркетом.

— Этот новичок — бабахнутый, разве не видишь? — прислонился к красной «шестёрке» таксист-армянин. — Целый час учу его, учу. Но разве он слушает?! Тут ловкость нужна, хватка!

— Я честный человек, на благородную цель прошу, — сказал дебютант-попрошайка с остекленевшими голубыми глазами, крепко удерживая двумя руками картонку с надписью, и попытался привлечь взгляд прохожего к тексту.

Металлические тарелки соседей-христарадников трещали от прибывающих с каждым часом монет. Новичок терпеливо ждал.

— Ну как вы не понимаете? Человек должен быть честен в любом вопросе! Я искренне влюбился, искренне женился, честно признался жене, что люблю другую, развёлся, потом второй жене сказал, что у меня есть любовница, и она ждёт от меня ребёнка. Надо было — послал шефа на х..., швырнул

пепельницу ему в лицо и ушёл. Дошёл из Владивостока до Москвы. Я живу по совести, ребята... Давно уже мой дом — бутылка. Только это меня греет и успокаивает.

— Ах ты, ленивый паршивец! И не стыдно?! Никто тебе и гроша не даст. Я таких, как ты, за версту чую и с детства смертным боем бью, чтобы людьми стали, уроки учили. Дабы потом так не паясничали.

— Вы кто, девушка?

— Я — заслуженный педагог, урод, — гордо представилась и демонстративно раздала другим попрошайкам оставшуюся после покупок мелочь похожая на пережившую листопад берёзку женщина. — Подобные тексты свойственны идиотам, двоечник несчастный!

— Это наш новенький, зачем вы его обижаете, — решил защитить «коллегу» от бичующего языка учительницы один из попрошаек, а потом вполголоса посоветовал последовать его примеру:

— Напиши, что голоден, болен, просто напиши — помогите! Но не так, не так... Так тебе никто не поверит, никто не уважит, братан...

На самом деле надпись, красующаяся на груди попрошайки с остекленевшими глазами, была более чем откровенна, а замысел совершенно ясен.

Надпись гласила: «Подайте на бухло!».

Новичок ни гроша не заработал, но неустанно пополнял запасы иронических замечаний и советов набраться ума-разума на протяжении трёх дней. На четвёртый день он «на работу» не вышел. Люди, как обычно, носились взад-вперёд мимо попрошаек, а те — прибывали и убывали, благодарили за щедрость или провожали укоризненным взглядом тех, кто ни гроша не подал. Про новичка никто не говорил, и его, наверное, забыли бы совсем, если бы на седьмой или восьмой день он не появился на территории ещё более мрачный, безучастный, с налитыми кровью белками стеклянных глаз.

На этот раз никто не остался равнодушен к нему. Двуглавые металлические орлы, испуская металлический крик, водворялись в маленькой коробочке. Те, кто ещё недавно одёргивал его, в особенности — хрупкие женщины, теперь с сочувствием подавали монеты. На обратной стороне той самой картонки попрошайка вывел новую надпись: «Люди добрые, помогите доехать домой!»

Перевод с армянского Анны Варданян

Огни большого города

Из горизонтального положения смотрю вверх. Наверху мерцают звёзды. В школе пытались донести до наших маленьких умов, как можно найти Орион, Большую Медведицу, Стрелу, Лиру и другие созвездия, о которых сейчас и не вспомню, но вдруг на ум приходит Малая Медведица — её легко можно было найти по характерной форме ковша. Сейчас сверкающие у меня над изголовьем небесные светила — фосфорные звёзды, собственноручно приклеенные к потолку хозяином квартиры, мудрым евреем. При мысли о звёздном ковше вспоминаю историю «бумажного черпака».

Она имеет свойство повторяться, как самовращающаяся мелодия из шарманки, оказывающейся из раза в раз в руках нового исполнителя. Ловлю слёзы кончиком языка, помня, что это дело бессмысленное и неблагодарное, ведь этот город слезам не верит...

День начинается, день заканчивается: стремительно, ничуть не подлаживаясь под твой внутренний ритм, твой бег, твои желания и нужды. Отец постоянно звонит знакомым армянам, знакомым знакомых армян и их знакомым. Работа жалуется лишь ищущих. Сын каждую ночь направляет в небо игрушечный телескоп.

— Мам, как только упадёт звезда, мы станем счастливыми.

— Солнышко моё, мы и сейчас счастливы.

— Нет, мама... если упадёт звезда, то исполнится моя мечта, и мы уедем домой, в Ереван.

Мама шерстит сайты объявлений о работе. Брат нитями собственных нервов сшивает бесконечно скапливающиеся на столе «Дома быта» блузки и брюки.

День пятый, десятый, пятнадцатый, сороковой. Отец пошёл освещать московские здания, мама нашла просвет в своей горестной жизни в стенах кондитерской «Сладкая жизнь». Брат сегодня вернулся с работы немного печальный, но счастливый. Получил первую зарплату. Во фруктовом-овощном ларьке азербайджанца купил армянские абрикосы. Я ем и плачу. Сын просит деда закопать абрикосовые косточки в землю во дворе дома, чтобы рядом с рябинами выросли абрикосовые деревья. Вслыпываю, тихо напевая под нос грустные народные песни, а на подоконнике, между уместившимся в глиняном горшке «Денежным деревом» и цветущей орхидеей, печально улыбается примостившаяся на маленькой деревянной досочке Матрона, надписью подсказывая:

«Да любите друг друга»...

Ночь. Все спят. Небо покрыто тёмной бархатной завесой. Я снова поднимаю голову. Фосфорные звёзды смотрят на меня жёлто-зелёными глазами. Пытаюсь мысленно воспроизвести Орион. В старину армяне называли его созвездием Айка — в честь давшего нам имя праотца...

Перевод с армянского Анны Варданян

ЛЮБОВЬ

Всё началось со сна: мышшь бежала, ржавая мышеловка, скрежеща отвратительными зубами, гонялась за ней, потом показался Помпей и в ту же секунду наполнился кроваво-красным соусом вулкана. Открыла глаза и не поняла: кто кого ловил, что исчезало? Было ясно одно: потолок тревожно громыхал.

С этого дня веки мои растеряли сны, время моё встревожилось, а спальня превратилась в магнит. В какой бы части дома я ни находилась, в эту секунду непременно оказывалась в моей фантастической спальне.

Зырк-зырк... буква «з» скрежетала, как слоёное тесто от суматошных движений скалки, падала в объятия задыхающегося «ь», чтобы всё наконец завершилось мажорным рыком «р-ю» и снова началась — зырк-зырк — ловкая, бунтующая, ритмичная мелодия...

Рай расположился на восьмом этаже восьмого подъезда. Там двое, и им с лёгкостью удаётся всполошить безмятежность спокойного дня. Пол их спальни и потолок моей — в неистовом диалоге, а я только сейчас это замечаю.

— Ну? Чего опять лицо опухшее? Снова соседи не дали...

— Да, Нушик, да! Они сумасшедшие, ненормальные! В 8 утра, в полдень, днём, вечером и ночью — несколько раз!

— Ты считала? Вернее, ты уверена, что... — багровое от стыда и любопытства лицо подруги окрасило розовым экран моего телефона.

— Слышишь, да? Ну ладно, извини... мне пора, позже поговорим.

Видеозвонок прерывается, я быстро достаю из чемодана белый, купленный по поводу второго замужества, да так и не использованный по назначению кривошей халат, заворачиваю

юсь в тёплую ткань, устраиваюсь на нулевом меридиане своей постели...

Сначала я не понимала, что происходит, потом восхищалась неуёмной энергией соседей, а потом, между нами говоря, переполнилась ревностью и, как сказали бы мои соотечественники, — доброй завистью. Теперь я нервная. Теперь, зачастую, из продуктового магазина я мгновенно перехожу в аптеку.

— А от нервов что предложите? Нет... валериану, «Новопассит», «Персен» — не хочу, не помогли. Есть что-нибудь по сильнее?

Я не могу написать рассказ для новой книги, хоть на самую простую тему, не могу подолгу гулять с ребёнком, моя бы воля, я даже обед готовила бы в спальне, а телевизор со встроенным набором мультфильмов выбросила бы к чёртовой матери, чтобы ненароком не помешал лучшей симфонии нашего времени.

Я начала внимательно изучать всех наших соседей — тех, кто доброжелательно со мной здоровается, и тех, кто слишком счастлив, чтобы кого-то замечать. Во мне, наконец, проснулся настоящий сыщик!

Недавно мой брат вскользь заметил, что у нас хорошие соседи. Жаль только, что мы погибнем под рухнувшим от тяжести чужой любви потолком. Я сделала вид, что не слышу, но мне ещё больше захотелось понять: кто же эти люди, परिवарившие несколько пачек баунти, сникерсов и виагры.

Сын сказал: «Мам, что за звуки? У меня уши разболелись!» А мама воскресным утром удивлённо спросила: «Так постоянно бывает? Интересно, что же происходит наверху?»

А я, как почётный секретарь Любви своих соседей, улыбнулась и сказала:

— Да ничего, обычный ремонт, наверное, скоро закончат.

В понедельник блондинка в красном пальто вошла со мной в подъезд, кивнула, мол, здравствуйте и даже не подождала, чтобы мы вместе зашли в лифт. Наверное, она слишком счаст-

лива, чтобы дожидаться меня. Но чуть позже я с балкона увидела, как она села в свою машину и умчалась. Ошиблась я.

Пришлось стереть её из списка подозреваемых.

Во вторник я шла домой с десятилитровыми канистрами с водой. На секунду поставила их на землю, чтобы перевести дух и продолжить путь. Рослый русский богатырь, около тридцати пяти лет от роду, неожиданно подхватил баллоны. Сказал, что я хрупкая и нежная, а такие женщины не имеют права носить тяжести. Представился соседом.

— Вы наш сосед?

— Да. Не волнуйтесь, я не унесу вашу воду к себе домой.

— Да, конечно, — особо не вникая, промолвила я, а потом добавила: — Простите, а на каком этаже вы живёте?

— На восьмом. Но, к сожалению, я женат...

Значит, на восьмом. Наконец-то жертва сама, своим ходом подошла и попала в мою ловушку!

Вот безумец! Целый день при деле, а ещё говорит «к сожалению, женат». А может, его жена — садистка? Или он устал от однообразной сексуальной жизни? Бедняга... Дошли до подъезда. Он поставил канистры на землю.

— Ну, кажется, дошли. Всего доброго.

— Как? — оторопело воззрилась я. — А вы?

— Я живу в соседнем подъезде, но по большому счёту, мы соседи. Берегите себя и помните, что хрупким девушкам вредно носить тяжести.

А в прошлое воскресенье я села в лифт со старушкой с заячьими глазами.

— Вам на какой?

Победный «восьмой» резко зазвенел в ушах. Неужели я смогла поймать вечность за хвост? Я чуть не расхохоталась от удивления. Воистину неплохо живут пенсионеры в России, в отличие от одиноких эмигрантов, особенно меня, ибо я вынужденно превратилась в дирижёра, питающегося от эвфонии соседей.

Я чётко знаю, когда начинается одно- или двухминутная увертюра, когда переходят к основной части, порой я сержусь, если антракты затягиваются, а потом сопровождаемый аккомпанементом речитатив создаёт резкую какофонию.

Начинается устремлённый в вечность хаос! Поднимаю руки вверх, а потом медленно опускаю, пытаюсь движением рук обзудать страсти, однако они совершенно не слышат и не чувствуют меня, затерянную в оркестровой яме. Громко хлопаю дверью напоминающей чулан спальни и выхожу.

После недолгой паузы, они начинают заново.

Итак: «Кармен», увертюра, сцена всецело ваша, но я уже прикрыла дверь в спальню, открыла рот для успокаивающей нервы таблетки и распространила по кухне иную музыку: Шопен, Ноктюрн оп. 9 №1. Да. Чуть не забыла. Говорю женщине с заячьими глазами, что я живу на седьмом этаже, прямо в их направлении. Многозначительно улыбаюсь, желаю всего хорошего и выхожу на своём этаже. Домой не захожу. Чтобы окончательно убедиться в собственной правоте, держась за перила, осторожно поднимаюсь на две ступеньки. Прозрачная рука женщины достаёт ключи из маленькой сумочки и открывает другую, то есть соседнюю, дверь...

Уже неделя как я игнорирую пассажи соседского гульбища, более того — они стали так привычны (или мои антидепрессанты хорошего качества), что более не могут расстроить мой сон или помешать общению с сыном.

Ирония верхов меня больше не волнует. Я уже потеряла должность дирижёра, нюх сыщика и агрессивную немощь одинокой женщины. Уложила сына, приготовила обед, выношу ведро с мусором, чтобы вернуться и закончить наконец открытую несколько недель назад, да так и не прочитанную «Улыбку вечности». Поднимаюсь на несколько ступенек, пытаюсь засунуть в расположенную между седьмым и восьмым этажами синегубую пасть мусоропровода оставшийся от вчерашнего торта картонный поднос, который никак не хочет

влезать. Наконец металлическая глотка с грохотом закрывается, и в ту же секунду чрезвычайно бледная женщина лет тридцати открывает благословенную дверь.

— Простите, можно вас на минутку?

Смотрю по сторонам и понимаю, что она обращается ко мне. Просит на минуту зайти в дом. Я уже в квартире, боюсь сделать шаг вперёд, но я уже вошла...

В обшарпанной, частично мебелированной однушке пахнет лекарствами. Вот открывается дверь в спальню. Я боюсь поднять взгляд, но — вынуждена. В маленькой деревянной колыбельке горит от жара младенец. Молодая женщина — его мать, которая должна в одиночку вырастить этого розовощёкого новорождённого ангела. Отец даже в роддом не явился, женщина не захотела оставить ребёнка в доме малютки и уже несколько недель живёт с малышом в съёмной квартире. Просит меня покачать дитя, пока она сходит в аптеку за жаропонижающим. Спускаюсь домой, запираю дверь (сын проспит ещё часок) и быстро возвращаюсь в спальню на восьмом этаже.

Я качаю ребёнка, утихомиривая его плач армянской колыбельной. Качаю... Пол спальни на восьмом этаже и потолок моей спальни снова вступают в диалог.

Перевод с армянского Анны Вардамян

Сигареты с ментолом

Было солнечно. Я вышла на улицу, думая, что могу немного прогуляться, прежде чем пойду к Марине, однако солнце тут всегда обманчиво, и часто на смену сияющему солнышку внезапно приходит нахальный хохот проливного дождя. Всего пару минут назад казалось, что всё на своих местах: немигающие деревья, неподвижно висящие посреди двора качели, безмолвно сидящие у подъезда бабушки, время от времени машинально рассыпающие перед бесстыжими, ненасытными голубями сухие хлебные крошки. Напоминающая отвисшую челюсть паралитика туча наконец разверзлась, и улица вдруг испила дождя крупными глотками.

Я, с самозабвением Нарцисса, на секунду замерла, опустила голову, ища в дождевой воде свой мокрый портрет, однако отпечаток крохотной ножки спешащего домой маленького шалуна одним ударом по моему отражению вмиг заставил меня ускорить шаг и отправиться к симпатичному, но одновременно пугающему киоску Марины, куда по просьбе брата я часто захожу за сигаретами. В одной части тесного, в два шага, пространства располагаются бутылки с пивом, в другой — коробки сигарет. Аккурат в центре киоска сидит миниатюрная продавщица с демонической улыбкой и горящими как угли глазами, которую я часто в шутку называю Мораной, что ничуть не расстраивает её, а скорее забавляет.

— Ты в хороших отношениях со смертью, правда?

— Сомневаешься? Тебя снова брат за сигаретами послал? Она уже готова достать из ящичка коробочку, но я говорю, что на этот раз сигареты понадобились мне, и я даже не знаю, что выбрать.

Я внимательно изучаю коробки, и вдруг мой взгляд привлекает надпись «Эссе».

«Лучший вариант для писателя», — думаю я и прошу дать мне именно эти сигареты, желательнее с ментолом.

— Значит, хочешь с кнопочкой?

Заметив моё замешательство, Марина ставит на стол коробочку и объясняет, как нажать на кнопку и привести в действие капсулу. Меня всё это привлекает, однако прошу заменить сигареты на другие, потому как гангренозная картинка на коробке вызывает у меня тошноту, неприятное зрелище...

— К сожалению, запрещено курить без таких прекрасных картинок. Все дороги проходят через мой магазинчик, ты особо не беспокойся.

Мы выходим из магазина, чтобы вместе сделать маленький, но верный шаг навстречу неизбежному.

— То, что нас не убивает, заставляет купить ещё одну пачку сигарет и попытаться снова, — пытается шутить Марина и неожиданно всхлипывает.

Хозяйка квартиры выселила её за неуплату, любовник резво нашёл другую (не оставаться же ему на улице), хозяин магазина — дагестанец — предупредил, что если она ещё раз воспользуется напитками из киоска, то вылетит с работы, как пробка из шампанского.

— Знаешь, сегодня мне стукнуло сорок. Давай пропустим по стаканчику, я угощаю... Хозяин не узнает, а если узнает — плевать! Найду другое место, мне пофиг, всё равно моя жизнь состоит из бухла и сигарет. Смотри-ка, я нашла своё место в этой жизни! Эээх... А ведь было время, когда мне казалось, что я знаю, кто я и что меня ожидает. Как ты меня называешь? Морана?

— Да, это богиня смерти. По большому счёту я правильно к тебе обращаюсь. Но ты особо не пользуйся своим служебным положением, пить тебе ни к чему, — пытаюсь как-то её утешить и глубоко затягиваюсь ментоловой сигаретой.

— Мы друг друга никогда не поймём, — пускает мне дым в лицо Марина. Взгляд у неё холодный, равнодушный.

— Я такая же эмигрантка, как и ты. Зря ты так говоришь, — пытаюсь оправдаться я.

— На этой заблудшей планете мы все — эмигранты. Жаль, что не все об этом знают. Когда-то у меня была однокомнатная квартира, собственная однокомнатная квартира в центре Донецка и класс из тридцати двух учеников! А теперь я живу в этой железной коробке, где даже туалета нет. Я вне времени. Здорово, правда? И, кажется, мне пора выпить, извини.

Марина затушила сигарету, повернулась ко мне, выпалила: «Да пошли вы все...!» — и зашла в киоск.

Я, пытаясь не смотреть на картинку, достала из коробки ещё одну сигарету, с силой надавила на затаившуюся внутри капсулу и глубоко вдохнула рассеявшийся по сигарете ментол, разделяя боль всех одиноких, но сильных женщин мира.

После дождя небо прояснилось, но солнца всё равно не видно. Вместо солнца сияют белокурые головы женщин, а между пальцами у них аленют огоньки сигарет-маяков...

Перевод с армянского Анны Варданян

Дела сердечные

Голуби, пристроившись бок о бок на траве, играют с дворовыми кошками — это любовь, клочок облака вонзается в стремящуюся к небу оголённую одинокую ветку — это любовь, там — на берегу реки — двое любят друг друга... любовь! Мужчина в зелёной спецовке тихонько бреет лужайку — конечно, это — любовь. Метро, уместив людей в своих нескончаемых железных вагонах-щупальцах, перевозит их из одного конца города в другой — любовь, любовь, любовь! Движение. Двигаюсь в разных направлениях, высматриваю, ловлю и укладываю любовь в сети моего воображения. В этом городе много любви, чрезмерно много. Она больше, чем сползающий с вершины горы уступающих размеров снежный ком. Любовь сочится даже с экранов телевизоров. Видите эту милую, нежную Люсю или Марусю, Павла, Вову... имена не столь важны. Важно, что все они красивы, молоды, любвеобильны... оказывается, каждый второй из них заражён половыми инфекциями. Несомненно, это тоже — любовь. Важно вовремя выключить телевизор, тронуть губы всемогущим красным, не забыть про опрятный внешний вид, подведённые чёрным карандашом глазки. Затем с удовольствием и улыбкой нажать на кнопку лифта, выйти во двор, поздороваться с пожилой ухоженной хозяйкой терьера в розовом платице, вобрать сладкий аромат роскошной сирени, затем, сделав лишь пару шагов, очутиться в недрах двухэтажного супермаркета «Океан».

Мой алый рот умеет быть красноречивым, ни слова не говоря. Подведённые сурьмой глаза могут разить, как стрелы. Уверенный перестук квадратных крепких каблучков возвещает мой приход в мир продуктов, канцелярских товаров и хозяй-

ственных принадлежностей. Ежедневные покупки — скучнейшее занятие, но не там, где тебя встречают и провожают охраняющие глубины «Океана» поклонники-атланты.

На рубеже первого этажа расположился азербайджанец — большой знаток фруктов, на расстоянии нескольких шагов от него — армянин антиквар, знающий толк в дорогих вещах и камнях.

Первый каждый день встречает меня одной и той же фразой: — Дэвушка, нэжная, что хочеш бэри задаром, угащайся! Нуу ти снэжная королевна, — сказав это, он немедленно издаёт какой-то непонятный рык, от злости ли, от досады ли, хватая первый попавшийся фрукт, чаще всего — краснощёкое яблочко и, звонко хрумкая, моментально вбирает внутрь.

Любезно и по возможности громко доводит до моих ушей своё «Здравствуйте» симпатичный антиквар с пристальным взором. Как-то я собиралась вернуться на родину на несколько дней, он увидел, как покупаю билеты. Я торопилась, одолевала тяжкие мысли...

— Нам будет вас не хватать, возвращайтесь поскорее!

Я машинально поблагодарила и собралась было выйти из зала, на ходу производя какие-то расчёты, как он добавил тихо, как бы невзначай: «Привет Армении...»

Почему-то предположив, что услышала имя Армине, торжественно обещаю передать ей привет, выхожу на улицу, потом мысли зависают где-то в воздухе, в некотором замешательстве от того, что он знаком с моей тётёй Армине, возвращаюсь в магазин и спрашиваю:

— Простите, пожалуйста, а Вы, оказывается, с ней знакомы?

— С кем?

— Ну, с Арм...

— Ага, конечно.

— О, а вы знали, что у бедняжки муж умер, такой хороший человек был, такой добряк, бедная тётя?!

— Что?!

Когда он вытаращил глаза от удивления, а хохочущие в них черты пустились в пляс, я поняла — что-то не так. Положение спасли две женщины за восемьдесят, которые срочно желали приобрести янтарное ожерелье для единственной уцелевшей одноклассницы.

Этажом выше меня каждый день встречает русский мясник с загадочным взглядом и нагоняющим ужас топором. Каким-то непостижимым образом он всегда оказывается в той части супермаркета, где я делаю покупки.

— Как вы думаете, капусту под засолку такую брать или поменьше?

— Ну зачем вы колбасу берёте, красавица, когда можно подойти в наш отдел, и я вам такое отменное мясо предложу, что вы начисто забудете и колбасу, и все эти непонятные продукты.

Через несколько дней снова то же самое:

— Здравствуйте, каждый день спрашиваю, а вы каждый день отмалчиваетесь. Давайте-ка конкретно.

— Конкретно? — Я в страхе пячусь назад и ударяюсь головой о металлические консервные банки.

— Вас ничего не спасёт — ни морковь, ни капуста, ни мясо. Скажите-ка, вы знаете, что такое любовь? Вернее, вы знаете, что значит пренебрегать чувствами такого честного и порядочного человека, как я?!

— Кто, я? — От удивления снова пячусь и снова стучаюсь головой.

— Ну, не я же?! Чего я только ни делал, чтобы привлечь внимание, чтобы вы хоть заговорили со мной! Вы как камень, ей-богу! Я... Я ещё поговорю с вами, а пока вернусь к своему топору. Мы ещё подружимся, помяните моё слово, душечка.

Влюблённое сердце мясника в белом, кое-где покрытом пятнами крови халате, завершило свой пламенный монолог и ушло обслуживать клиента, ну и слава Богу! Но это, как говорится, ещё не всё.

Молодой черноволосый чеченец, сидящий напротив двух мониторов, здоровается и начинает следить через экран — в каком именно отделе нахожусь, что покупаю, куда иду. Телеатр для одного зрителя. «Неплохо», — мысленно утешаю себя, пытаюсь сосредоточиться на покупках и только на покупках.

— Йогурт, который только что взяли, положите на место, сейчас ребята хороший поднесут. А сметанку правильную взяли, я эту очень люблю!

— Вам-то какое дело? Перестаньте следить за мной! Кто тут главный? Позовите!

— Я тут главный! Не знаю кто как, а я чужд всякой романтики. Говорю прямо и искренне — вы мне понравились, хочу встречаться с вами.

— Самоуверенность — хорошее качество, особенно в вашем возрасте. Найдите свою половинку и будьте счастливы, — пытаюсь вынести тяжёлые пакеты.

— Прямо как работник загса. Молодой девушке такие речи не к лицу, вам в особенности.

— Я...

— Лучше возьмите ключи, в шкафчике лежит кое-что для вас. Ну что? Не возьмёте?

Спрятанный в шкафчике букет или записка, по сути, — любовь. Витающий в воздухе трепет — любовь. Синеглазый, тянущий мать за подол юбки кроха — это любовь.

Сегодня, как и всегда, я должна была закупить продукты, пройти, как обычно, мимо любвеобильных людей, снова поздороваться, затем — с улыбкой и удовлетворением — донести до дома тяжёлые пакеты. Шёл проливной дождь. И на улице, и в «Океане» было мало народу. Зашла в зал, поднялась по лестнице и собралась уже приступить к покупкам, как вдруг дорогу мне преградил щуплый и лысый субъект.

Алкогольные пары, налитые кровью глаза, обнажённые участки кожи — сплошь в татуировках. Сначала он, насмеш-

ливо улыбаясь, сказал, что нужны деньги на лекарства, иначе не даст мне пройти. Потом повысил голос. Я оглянулась, молча взывая о помощи. Продавец фруктов, поймав мой взгляд, зарылся в наполненные фруктами ящики и незамедлительно приступил к обслуживанию новоиспечённого покупателя, антиквар пускал клубы дыма снаружи и, вероятно, даже не слышал происходящего, мясник растерянно рубил мясо топором, но подойти не мог — ясное дело, клиент важнее. Камеры в супермаркете продолжали записывать и показывать на мониторах всё происходящее, но менеджер-чеченец не показывался, наверное, ушёл на перерыв....

Мой крик вздымался и в ту же секунду разрывался в воздухе. Сумочка со всем содержимым — карточками и наличными, — отчаянно боролась, чтобы не попасть в руки к разбойнику. Казалось, никто ничего не видит и не слышит. Школьник лет восьми-девяти подбежал ко мне.

— Дяденька, ты тёеньку не обижай, оставь её, а то получишь от меня! Я совсем не боюсь тебя! Я полицию вызову!

В ту же секунду вокруг собралось множество людей, среди них — мои атланты-поклонники. Полицейские забрали бандита в отделение. Мужчины гладили мальчика по голове, хвалили, но отмечали, что, если бы они вовремя не подоспели, хулиган наверняка навредил бы мне и уж точно стащил бы сумку. Мясник утверждал, что именно внешний вид топора более всего напугал преступника, остальные тоже имели что сказать по поводу своей рыцарственной спасательной операции.

Буря улеглась, ливень прекратился.

Радуга, прильнувшая к небу после дождя — это любовь. Капли дождя, проступившие на кончике языка травинки — это любовь, аромат озона в наших ноздрях — любовь, и даже отчаянное желание быть смелым — это любовь...

Перевод с армянского Анны Варданян

Созвездие эмигранта

06:58. Мы — превратившие эту улицу в бурную реку, проглотившие по золотой рыбке, ищущие новые берега, мы — эмигранты, стоим на улице Старинской и ждём, когда перед нами откроют двери. Половина тротуара отделена колючей проволокой; мы — та рыба, которая с лёгкостью проглотила наживку. Мы все здесь шумные, это потому, что мы не хотим разбиться. Никто из нас не может притворяться спокойным, но пути назад нет. Здесь смельчаки, выскочившие за границы свободы бывшей общей территории, а ныне ставших независимыми государств. Ну, это я так говорю, чтобы смягчить острые чувства, иначе можно сойти с ума. Холод проникает в моё пальто. Хочет понять, насколько я смела и репительна. На мгновение красный свет светофора заставляет остановиться огромный автобус, в окнах которого проглядывают вытаращенные от любопытства глаза, искривлённые рты, а один парень не упускает момент и фотографирует. Один из стоящих по эту сторону колючей проволоки показывает средний палец. Щёлк. Думаю, получился впечатляющий снимок. На белой бумаге, распротершейся на краю ворот, чистоте не осталось места, с полуночи на неё всё записываются и записываются имена. Так мы — эмигранты — занимаем очередь. Живая очередь или животная, пока не понятно. Понятно, что самый опоздавший приходит, берёт бумагу, рвёт её и на новой пишет своё имя. Это делается рано утром, не у всех на глазах, но, на мой взгляд, было бы более впечатляюще в присутствии всех взять и съесть эту бумагу, сожрать, а потом, наполнив пригоршню собственными слезами, — выпить, выпить за всех нас, всех заблудших, всех алхимиков, всех безнадежно обезумевших.

А на самом деле появляется новая запись, вперёд продвигается новый поток, к воротам тянутся новые руки. Как только ворота откроются, полусонные сотрудники, наорав на нескольких нерусских, сразу проснутся, а сейчас ещё есть две минуты, чтобы понять, что я никогда не ценила двух минут своей жизни. Я всегда спешила. Сначала спешила повзрослеть. Повзрослеть, чтобы поздно ложиться спать, носить чёрные колготки, не учить уроки. Сама жизнь — большой урок, просто все перемены даются в миг смерти, чтобы в конце насладиться им, почувствовать себя по-настоящему большой, надеть желанные чёрные колготки и поиграть с вечностью в русскую рулетку. Единица измерения вечности для меня начинается с родины и тянется на чужбину.

У меня на родине пятилетний ребенок. Это Аршине — с длинными спутанными волосами, армянскими глазами, полными тоски, в красных туфельках и с куклой, которую я подарила ей перед отъездом. Говорят, что каждую ночь она прижимается носом к окну в спальне и наблюдает за прохожими в ожидании мамы, то есть меня. Потом её кое-как отлепляют от стекла и укладывают спать, она часто температурит и кричит во сне, я уверена, что это от тоски, наверное, когда-нибудь пройдет.

У меня на родине пятидесятилетняя мама с классической стрижкой каре, в оптических очках, со своим будто приросшим к плечам вязаным жакетом горчичного цвета и пристальным взглядом, наблюдающим за жизнью из щёлки между стопками тетрадей её учеников. Она молчаливая, с глубоко посаженными блестящими глазами, иногда беспокойная и погружённая в себя. Она любит покусывать губы до тех пор, пока на них не останутся следы зубов, а когда устаёт от этого процесса, переходит к ногтям. Так она чувствует себя более собранной и направляет поток мыслей в нужное русло.

У меня на родине бабушка. У неё есть горб, которого она не стыдится, а, напротив, подчёркивает его яркими треуголь-

ными шаялами и говорит, что задушила в горбу свою любовь, страсть, боль и женственность. Чтобы у меня никогда не было горба, она заставляла меня класть самые тяжёлые книги на голову и шагать по гостинной. «Вуй ме, когда тебя поклонники пригласят на бал, ты будешь самой прелестной куколкой». Я боялась возражать или, что ещё хуже, смеяться, но мне и до сих пор иногда кажется, что я несу тяжесть на голове и едва удерживаюсь от того, чтобы, потеряв равновесие, не растянуться на земле. Кроме горба, у бабушки характерные для тифлисских армян красивые черты лица, сохранившиеся даже в возрасте восьмидесяти лет, традиция ежедневного чаепития и выбегающее из дома, пересекающее несколько улиц и произносимое с особой страстью восклицание «вуй ме!», которое опаснее вулкана Санта-Мария и страшнее урагана Катрина.

07:30. Мы все притиснуты друг к другу в узком тёмном коридоре. Стоящий рядом со мной, почти опирающийся на мои костлявые плечи, старичок дрожит. Его жена — почти лысая старушка с полупрозрачной кожей — испуганно смотрит на мужа. Старичок пропитан запахом мочи. Старичок трясётся от ужаса, ужас выбирается из-под зимнего пальто. Серые потрёпанные брюки дрожат. У старичка больше нет сил, из него мирной рекой течёт моча. Моча заставляет нас всех плотнее жаться друг к другу, ещё больше передёргиваться от нашего положения, ещё больше жалеть друг друга и его — бедного пахнущего мочой дедулю. Здесь нет туалета. Здесь посчитали излишним для нас подобных наличие хоть одного немывтого, нечищеного, покрытого ссаниной и волосами туалета. У нас одинаковые взгляды, половая принадлежность стерта, о возрасте и национальности не имеет смысла говорить. Мы герасимы, принёсшие в нагрудных карманах своих разноцветных муму, и ожидаем долгожданной церемонии их утопления. Наши руки вскоре покраснеют, мы — проходящие через всё

это — будем думать, что это цвет воодушевления, пахнущий ароматом новой жизни, а там, следящие за нами с наших родин, железными голосами возвестят: «цвет греха», но в то же самое время полноватый заведомом, глядя на нас с отвращением, подумает: «Ничего себе постсоветская солянка», — и прикажет прийти на следующей неделе, раскрасив ладони наших рук, конечно, не в красный — в синий, синими чернилами. Нас попросят наши узкие глаза, золотые зубы, большие и маленькие размеры, старые тела, гнутые носы, пшеничные волосы убрать из принадлежащего государству узкого тёмного коридора, тяжёлых ворот, упругой колючей проволоки — до этого же часа на следующей неделе, и мочу, мочу тут тоже не оставлять.

У бабушки тридцатилетний опыт работы библиотекарем, она всегда пахнет присущей библиотекам сыростью и книгам, даже теперь, когда она давно вышла на пенсию и перебралась в свое кресло-качалку, она продолжает распространять аромат сырости и выцветшей бумаги. Сейчас она не читает книг, но мечтает о том, чтобы у ворот рая её встретил Саят-Нова с объятьями и источающими мёд словами:

«На тебе богат
Дорогой наряд,
Шёлк, парча горят.
Кубок твой подъят,
Лей вино услад!
Жертвы не шадят.
Только выйди в сад!
Режь, — Саят-Нова будет только рад».

А в этот момент глаза моего дедушки, глядящего в щёлку в стене ада, нальются кровью от ревности. Вот так, пусть

вспомнит, бросить чувствительную и умную жену беременной — разве это было правильно?

У моей мамы двадцатилетний опыт работы педагогом. Она учительница математики. Говорит, что единственное в жизни, чему ты можешь доверять — это цифры. Часть зарплаты тратит на лотереи, поскольку уверена — правильно рассчитав числа, когда-нибудь станет миллионершей. Её спальня — опасная зона для входящего. Мама везде стопками расставляет карты лото. Это не выигравшие билеты, которые, по её словам, являются стимулом для покупки новых и, конечно, выигрыша. Если убудет хоть один билет из одной стопки, это может привести к серьезному конфликту, но иногда, чтобы порадовать мою дочь или своих любимых учеников, она делает из этих билетов головки тюльпанов или лягушек и дарит. В её классе лягушки повсюду, и даже замечание замдиректора не удерживает мою мать. Мама удивляется, как ребёнок: ведь нужен стимул для того, чтобы любить цифры, и да, пусть они с самого раннего возраста понимают, что число — это действие, движение, богатство.

Я выбрала профессию кинорежиссёра. В студенческие годы от нас требовали материалов, и я не знала, что представить, чтобы это было свежим, увлекательным, не поверхностным. Бабушка посоветовала мне написать и снять материал о «венце безбрачия», который, по её мнению, был никаким не суеверием, а фактом. Она посоветовала мне вместо вымышленных историй направить свою ручку и камеру на наш дом, где и она, и моя мать были безмужними, а третьей должна была стать я — это было, вроде как, не её указание, а Его — того, кто следил за нами. Я, конечно, не воспользовалась советом, но начала искать мужа, не теряя ни минуты. Это был вопрос принципа. Нужно было сломать стереотип, доказать, что гадание на картах и подобные самозванные предсказания — просто плод воображения отчаявшейся пожилой женщины. Невероятно,

но всего через два месяца после окончания института, на съёмках документального фильма, я уже нашла того, кого должна была назвать мужем. Он был военным, молчаливым, строгим человеком из мужчин того типа, которые, создав семью, редко разводятся, и, кроме того, он был на десять лет старше меня, то есть бабушкины предсказания были практически повержены.

Он лишил меня невинности, любимой профессии, возможности работать. Он был атеистом, и его единственная вера была направлена на землю и оружие. «Сделай свой разум оружием и помни, что твой настоящий дом — это земля». Мы почти не общались, ограничивались обменом сверхнеобходимыми словами, а постель была для него полем битвы. В нашу первую брачную ночь он сказал: «Сражение в постели — самое правильное. В конце забываешь, кто выиграл, а кто проиграл». Я проигрывала неделя за неделей, месяц за месяцем. Он хотел от меня будущего солдата, я не могла забеременеть, но чувствовала, что у меня может получиться, проблема не во мне. Вскоре его повысили в звании, нужно было переезжать в другой город. Я попросила его о том, чтобы присоединиться к нему через неделю, заверив, что мама работает, а бабушка заболела и нуждается в уходе. В ночь перед отъездом он был навеселе, и у него вырвалось, что истинный враг мужчины — это женщина, которая не может подарить ему сына.

Примерно 6:00. Я прибрала свою арендованную спальню и даже обнаружила, что в действительности одной комнаты достаточно, чтобы жить, особенно когда в твоём кошельке осталось всего пять банкнот, чтобы просуществовать целый месяц. Ровно в 7:00 я обязана была быть за колючей проволокой, а затем, влившись в поток, добраться до восьмого этажа; вновь обрести вавилон вокруг меня и вавилон во мне;

слышать всевозможные языки и не понимать ничего; съжившись от голода, вместо хлеба покусывать собственные губы; видеть в кабинетах презрение исследующих под микроскопом имя-фамилию, профессию и причины появления здесь каждого из нас; видеть в стоящих рядом собственную неуверенность; запутываться между собственным давно прошедшим настоящим и несовершенным прошлым; своим дочери, матери и бабушке обещать, что вскоре пособие превратится в зарплату, зарплата будет высокой, будущее — надёжным; думать, что на самом деле твоя подруга подсказала бесполезную программу, ты бесполезно на неё подала, мы бесполезно ждём.

Провожая меня, бабушка подарила свои любимые карты Таро. Я держу их в кармане. Если даже у меня не бывает денег, я ощущаю присутствие карт, и кажется что у меня в руках гарантия осуществления надежды. Карта «дурак» подсказывала возможное начало новой работы. Я иду в неизвестном направлении, вроде дурака, изображённого идущим практически в зев ущелья, бреду по краю света...

Пока мы, незнакомцы, стояли, составив китайскую стену, одна узбекская девушка, с которой я успела познакомиться, предложила помочь с работой. Она нашла более подходящую работу, но должна была найти себе замену; нужно было ухаживать за старушкой, которая, по словам девушки, несмотря на проблемы со слухом, требовала, чтобы сиделка читала ей книги, при этом она бесконечно питалась, бесконечно испражнялась и мочилась. Усталость от шума и долгого времени, проведённого на ногах, истощённость от голода и реальную острую потребность в работе — всё заставил забыть преувеличенный рассказ девушки.

Дом был большой и тёплый. Поздоровавшись, я попросилась в туалет, хотя дочь старушки удивилась, увидев, что, вме-

сто того, чтобы взглянуть на её мать, я в первую очередь думаю об удовлетворении своих потребностей, но мне, честно говоря, было наплевать. Если бы я могла сказать то, что думала, то потребовала бы подать ужин и только за столом, в нормальных человеческих условиях, обсуждать работу. Бабка была старой, словно забытое в бабушкином шкафу с прошлого года сушёное яблоко. Я подошла и так тепло обняла её, словно мы не встречались десять лет. Она бросила взгляд на дочь, потом в районе рта у неё появились зигзаги. С улыбкой тряпичной куклы она подтвердила своё положительное решение. Имя и отчество старушки мгновенно вылетели у меня из головы, поскольку в этот момент я думала, что наконец-то смогу отправить деньги домочадцам, думала о том, как укротить бурчание в животе, а также не заснуть от усталости под монотонный голос хозяйки дома на чужом диване. Я запомнила только, что ей вчера стукнуло восемьдесят («вуй ме» моей бабушки — её ровесницы — пронзило мой слух), и что у неё диабет, нужно держать её подальше от сладкого.

На следующий день началась работа. Я обратилась к ней «моя девочка», тогда узелок, появившийся на маленьком личике старушки, показал — ей нравится. Ей нравилось, когда я массировала её высохшие руки и тонкие длинные пальцы, когда я причёсывала седые жирные волосы, потом покой прерывался, начинался час, часы страха и тревоги. Она была всеядна, если даже мой палец случайно касался губ, её протез был готов с ловкостью хищника оторвать его и закинуть ей в рот. Она ела, пила, стонала, жаловалась, что мёрзнет, и чем больше ты её одевала, тем больше она мёрзла; она дрожала, передёргивалась и в то же время испражнялась. Она даже не чувствовала поднимающуюся и распространяющуюся вонь, маленькими как бусины стеклянными глазами просила: дай, дай поесть. В процессе несколько раз в день (а она питалась довольно часто) рассказывала одну и ту же историю. Сначала это было ин-

тересно, потом — знакомо, привычно, страшно, отвратительно, невыносимо было всё, чудовищно.

— Рассказывала? Я была маленькой, самой маленькой из нас, пяти детей, мы ждали каждую минуту, мы все были напуганы. Мне было пять лет. Сидели отец, мать, старшая сестра, средняя и я. Дверь открылась. Добрый человек сказал: «Утром вас расстреляют». Ушёл. Был голод. Мы были напуганы. Отец спустил нас в колодец. Я сказала, что мне было пять лет? Отец увёл нас. Было сыро. Ты знаешь, как пахнет земля? Ничего ты не знаешь. Одень меня, холодно. Я однажды была под землёй, я не боюсь смерти. Холодно. Одень. Мы пробыли под землёй два дня, потом один солдат ударил оружием по деревянной крышке колодца. Мы вышли. Фашистов не было, наши их уничтожили. Дом, наш дом... был в руинах. У тебя есть дом? Ты знаешь, что такое руины? Ты когда-нибудь видела войну? А фашистов?

Я пыталась как-то оторвать её от ритуала принятия пищи, кое-как поднимала с коляски сухое тяжёлое тело и несла подмывать задницу: «Моя девочка, поднимись, вот так, моя девочка, теперь почистим тебе попку, ты больше не будешь так много есть, да, моя девочка?» Она льнула ко мне, как ребёнок к матери, как моя дочь — ко мне, когда я была ещё рядом с ней. Я гладила её, как погладила бы свою бабушку, я целовала её, как поцеловала бы мать, я заботилась о ней и мыла её, как заботилась бы о чистоте своей дочери и ненавидела её, как может ненавидеть раб своего хозяина.

22:00. Я разложила все переведённые документы, раскинула карты на завтра, сделала видеозвонок дочери. У нас была привычка даже на расстоянии рассказывать на ночь сказку. Арпине каждый день просила какую-нибудь игрушку, но сегодня сказала, что готова раздарить все игрушки другим, только бы я скорее к ней приехала. А мои руки по локоть в грязи. И чем больше я моюсь, тем сильнее запах у меня в ноздрях, на моих

руках, в моих волосах. Я сглатываю слёзы, вижу грустные глаза моей матери, бабушка восклицает «вуй ме» и требует, чтобы я вернулась, мама тихим голосом говорит, что во вчерашней лотерее опять не выиграла, но она продолжит играть и в конце концов выиграт. Рассказывает о школе, своих учениках, повседневной жизни моей дочери. Арпине подошла к экрану и всхлипывая крикнула, что в детском саду у всех есть папа и мама. Хотела папу.

Образ Христа, вытатуированный на предплечье моего мужа — атеиста (это был всего лишь нестираемый след армейской жизни), словно усмехнулся, когда я сообщила ему, что через неделю перееду к нему. На самом деле у меня были другие планы. Я поймала в сети фейсбука обаятельного и известного актера, который тоже оказался выпускником театрального института на пять лет младше меня. Наши разговоры были порывистыми, с неутолимим желанием увидеть друг друга. После на десять лет старшего мужа-молчальника более эмоциональный мужчина младше меня стал настоящим подарком среди однообразных и выцветших дней. Он был тем, чего я искала, и, хотя он, как и я, был семейным, но в той же мере страдал от несвободы. Он нервничал, когда говорил о жене, считая себя прежде всего творческой личностью, то есть свободным.

Через день после того, как проводила мужа, я приняла его — моего любовника. Я бы не сказала, что это негативное слово, потому что оно из ряда всевозможных «нельзя», а значит, даётся только смелым, нуждающимся в настоящей любви. Ему нужна была страсть и женщина, которая бы разделила с ним его мысли, мне — любовь и ребёнок. И, несмотря ни на что, мы пообещали друг другу, что между нами ничего не будет, но это обещание, как и любое другое, необходимо было нарушить, чтобы сделать момент более драматичным.

Хотя о чём я говорю, я думала, что он проглотил наживку и не сможет от меня отказаться, а он был уверен в своих силах. Как режиссёр я привлекала женской хитростью, лёгкой отстранённостью и постановкой задач, а он как актёр слушал мои предложения и пытался играть, используя технологию переживания — со всей страстью и самозабвенно.

Это был седьмой день с нашей встречи, мы сидели в кафе, я сказала, что мои трусики носят имена известных художников и создают определённую эмоциональную атмосферу. Рассказала, что, например, субботы часто провожу с Матиссом, воскресенья — с Ренуаром, понедельники начинаются с Модильяни и так далее, и тому подобное.

Он на мгновение удивился, но потом развеселился и спросил, с кем я пришла на свидание сегодня. Я придвинулась, приблизив груди к столу, сделала знак миндалевидными вишнёвыми ногтями — приблизься. Он приблизил лицо, я поцеловала, ни на секунду не задумавшись, что за соседним столиком может сидеть кто-то из знакомых моего мужа или из хороших друзей нашей семьи.

— Ну, кто там? — спросил он смелее.

Он настаивал на предохранении, я заверила, что приняла таблетки, не о чем беспокоиться...

Через девять месяцев родилась моя дочь, наша дочь, но ему было страшно познакомиться даже с фотографией собственной дочери, он оставил и жену, и меня, и ребёнка и под руку с бутылкой виски отправился в другое путешествие, в другой театр довольно специфической жанровой направленности. Он был в вечном побеге от себя, в вечных сомнениях, обременённый страхом потерять славу и роли. Через несколько месяцев после нашего последнего разговора я прочитала новость в ленте Фейсбук. Молодого всеми любимого актёра нашли лежащим ничком возле мусорного бака казино. Мне жаль, чёрт возьми, но страх жизни — самый страшный из страхов, а к сво-